

DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

Д. В. ЛомакинМосковский государственный университет
имени М.В.Ломоносова (МГУ имени М.В.Ломоносова)
г. Москва, Российская Федерация

Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики

Резюме. В статье рассматриваются проблемы влияния международного фактора на развитие российского законодательства и правоприменительной практики. Акцент сделан на исследовании неоправданного изменения подхода судов к оценке принципа независимости и самостоятельности юридического лица и применения ими так называемой концепции единого хозяйствующего субъекта (коммерческого предприятия). Использование данной концепции без учета факторов, которым она обязана своим происхождением в Англии и США, приводит к нарушению базовых положений как корпоративного, так и обязательственного права. Например, к ответственности за нарушение обязательства — относительного правоотношения привлекается не только должник, но и третье лицо — интервент, составляющее с ним единый хозяйствующий субъект (коммерческое предприятие). Органы юридического лица — интервента, по сути, понуждаются к совершению действий не в интересах этой организации, что прямо следует из требований закона, а в интересах кредитора в обязательстве. Обозначенный подход кардинально изменяет стандарт поведения субъектов, входящих в состав органов юридического лица. Кроме того, следование концепции единого хозяйствующего субъекта (коммерческого предприятия) не учитывает требования законодательства в публичной сфере, например банковской, где кредитные организации априори не могут ставить интересы кредиторов организаций, образующих с ними пресловутый единый хозяйствующий субъект, выше интересов своих кредиторов (клиентов, вкладчиков).

Ключевые слова: корпоративное право; обязательственное право; корпорация; кредитная организация; признак самостоятельности и независимости юридического лица; антисанкционное законодательство; деликт; солидарная ответственность; единый хозяйствующий субъект (коммерческое предприятие); договорная и деликтная ответственность юридических лиц в рамках холдинга

Для цитирования: Ломакин Д. В. Влияние внешнего политического фактора на развитие правоприменительной практики. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 1. С. 20–37. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

The Impact of an External Political Factor on the Law Enforcement Development

Dmitriy V. LomakinLomonosov Moscow State University (MSU)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper examines the influence of the international factor on the development of Russian legislation and law enforcement. The author focuses on the study of unjustified changes in the courts' approach to assessing the principle of independence and autonomy of a legal entity and their use of the so-called concept of a single economic entity (commercial enterprise). The use of this concept without taking into account the factors to which it owes its origin in England and the USA leads to a violation of the basic provisions of both corporate law and law of obligations. For example, not only the debtor is held liable for violation of the obligation — relative legal relationship, but also the third party — the interventionist, which is a single business entity (commercial enterprise). The bodies of the legal entity — the interventionist — in fact, are forced to take actions not in the interests of this organization, which directly follows from the requirements of the law, but in the interests of the creditor in the obligation. This approach radically changes the standard of conduct of entities that form the

© Ломакин Д. В., 2025

bodies of a legal entity. In addition, following the concept of a single economic entity (commercial enterprise) does not take into account the requirements of legislation in the public sphere, for example, banking, where credit organizations *a priori* cannot put the interests of creditors of organizations forming a single economic entity with them above the interests of their creditors (clients, depositors).

Keywords: corporate law; law of obligations; corporation; credit institution; sign of self-sufficiency and independence of a legal entity; anti-sanction legislation; tort; joint responsibility; single business entity (commercial enterprise); contractual and tort liability of legal entities within the holding

Cite as: Lomakin DV. The Impact of an External Political Factor on the Law Enforcement Development. *Lex russica*. 2025;78(1):20-37. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.218.1.020-037

Введение

Не секрет, что последнее время внешний — международный — фактор оказывает сильное влияние на развитие отечественного законодательства, в рамках которого получили обособление нормативные правовые акты с ярко выраженным антисанкционным содержанием¹. Указанные акты имеют разную отраслевую принадлежность и вносят в систему права не «косметические» изменения, а затрагивают основы как материального, так и процессуального права.

Так, казалось бы, незыблемый принцип автономии воли претерпевает сейчас значительные ограничения. Например, в сфере международного частного права выбор сторонами договорного обязательства применимого права и места рассмотрения возникающих между ними споров может не значить ровным счетом ничего. Действительно, еще Федеральным законом от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственно-объединения и (или) союза»² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации был дополнен статьями 248.1 и 248.2. Цель принятия указанных норм заключалась в установлении гарантий обеспечения прав и законных интересов граждан России и российских юри-

дических лиц, в отношении которых недружественными иностранными государствами были введены меры ограничительного характера, поскольку подобные меры фактически лишали их возможности защищать свои права в судах, находящихся за пределами территории России.

На этот счет в определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 (1-3) по делу № А60-36897/2020 была сформулирована важная правовая позиция, согласно которой сам по себе факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, находящемся за пределами территории России, мер ограничительного характера достаточен для вывода об ограничении доступа такого лица к правосудию. Введение иностранными государствами ограничительных мер в отношении российских лиц поражает их в правах и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами. В таких условиях оправданны сомнения в том, что спор на территории иностранного государства будет рассмотрен с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства, в том числе касающихся беспристрастности суда.

Данные споры рассматриваются арбитражными судами на территории Российской Федерации, а применимым правом также является российское право. Поэтому наличие во внешне-экономической сделке с участием резидента Российской Федерации оговорки о том, что связанные с ее осуществлением споры будут рассматриваться, например, в Лондонском меж-

¹ См., например: Ломакин Д. В. Развитие корпоративного законодательства в современных политико-экономических условиях на примере хозяйственных обществ // Законодательство. 2023. № 3. С. 18–25 ; Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141 ; Он же. Официальные разъяснения по вопросам применения антисанкционных нормативных правовых актов: теоретические и практические вопросы // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 36–80.

² СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3745.

дународном арбитраже (LCIA) по английскому праву, совершенно не исключает ситуацию, когда резидент обратится с иском по связанному с указанной сделкой спору в российский арбитражный суд, который рассмотрит его по российскому праву.

Основная часть

Однако наибольшее влияние международный фактор оказывает на развитие правоприменительной практики. Суды вынуждены реагировать на беспрецедентное ущемление со стороны недружественных государств прав и охраняемых законом интересов резидентов России — как физических, так и юридических лиц. К сожалению, возможности такого реагирования незначительны. Часто бесплодные попытки их усиления приводят к тому, что так называемая защита резидентов обеспечивается посредством прямого нарушения действующего отечественного законодательства. Вместо закона применяются подходы, основанные — как это ни странно прозвучит — на зарубежных концепциях, имеющих весьма отдаленное отношение к отечественному правопорядку.

Показательны в этом отношении дела, где суды на базе американской концепции единого хозяйствующего субъекта, по-другому — единого коммерческого предприятия (*single business enterprise*), обосновывают отход от принципа самостоятельности и независимости юридического лица, игнорируют ключевые положения как корпоративного, так и обязательственного права.

Сама концепция единого хозяйствующего субъекта обязана своим происхождением прецедентному праву отдельных североамерикан-

ских штатов³. Она была призвана бороться со злоупотреблениями, которые прикрывались оболочкой формально независимых юридических лиц, по существу являющихся вторым «я», или альтер эго, правонарушителя. Согласно ее постулатам, группа юридических лиц должна рассматриваться как единое целое, если у них общие контролирующие лица, управляющие ими в рамках реализации своей бизнес-стратегии⁴. Для единого хозяйствующего субъекта характерно то, что юридические лица не преследуют какие-то частные цели, а объединяют свои ресурсы для достижения общего делового результата, в связи с чем каждая организация группы может быть привлечена к ответственности по обязательствам, возникшим в процессе его достижения.

Наглядной иллюстрацией применения концепции единого хозяйствующего субъекта служит дело *Paramount Petroleum Corp. v. Taylor Rental Ctr.*⁵, в котором суды штата Техас исходили из следующих фактических обстоятельств, характеризующих группу юридических лиц: а) общие наемные работники; б) общие офисы; в) централизованный бухгалтерский учет; г) выплата одним юридическим лицом заработной платы работникам другого юридического лица; д) общие средства индивидуализации; е) оказание работниками одного юридического лица услуг от имени другого юридического лица; ё) произвольные перечисления денежных средств между юридическими лицами; ж) отсутствие четкого распределения прибылей и убытков; з) общее делопроизводство; и) общие должностные лица; й) наличие общих учредителей (участников); к) одни и те же способы коммуникации.

Случаи применения данной концепции в США крайне редки. Как правило, ее использо-

³ Более подробно об этом см.: *Ломакин Д. В.* Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 9. С. 6–33 ; *Захаров А. Н.* Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 32–62 ; *Аристова Е. А.* Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2014 ; *Лихтер П. Л.* Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 8–10 ; *Паращук С. А.* Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 61–69.

⁴ *Bacon K. M.* The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing // Louisiana Law Review. 2002. Vol. 63. No. 1. P. 75–112.

⁵ *Paramount Petroleum Corp. vs Taylor Rental Ctr.*, 712 S.W.2d 534, 536 (Tex. App. — Houston [14th Dist.] 1986, writ ref'd n.r.e.).

вание ограничивается ситуациями, когда кредиторы одного участника группы компаний, перед которыми отвечают другие подконтрольные участники группы, являются так называемыми слабыми субъектами оборота, нуждающимися в протекционизме со стороны публичной власти, — это потребители, наемные работники и т.д. Кроме того, применение концепции единого хозяйствующего субъекта допускается, если это не причиняет вред собственным кредиторам самих подконтрольных юридических лиц, которых хотят привлечь к ответственности наряду с должником в обязательстве. Логично, ибо интересы кредиторов одних участников единого хозяйствующего субъекта не могут иметь приоритет над интересами кредиторов других участников такого образования. Исключением является так называемая техническая задолженность, формируемая в целях избежания применения судами концепции единого хозяйствующего субъекта.

В практике отечественных арбитражных судов применение этой концепции получило широкое распространение при рассмотрении споров, в которых встречаются следующие фактические обстоятельства⁶:

а) есть компания-нерезидент (далее — Нерезидент) и компания-резидент (далее — Резидент), которые находятся между собой в обязательственной связи, где Нерезидент — должник, а Резидент — кредитор;

б) обязательство между ними может возникнуть на основании различных договорных конструкций, применяемых, как правило, в сфере финансового рынка;

в) в подавляющем большинстве случаев к обязательству применяются нормы иностранного права, а возможные споры должны передаваться в международный арбитраж, обычно это Лондонский международный третейский суд (LCIA);

г) в связи с введением недружественными странами против нашей страны и ряда ее резидентов мер ограничительного характера Нерезидент не исполняет обязательство в пользу Резидента, например, в связи с тем, что денежные средства, предназначенные для совершения

платежа в пользу Резидента, блокируются по распоряжению уполномоченного органа недружественного государства, право которого должно применяться к спорному обязательству;

д) на территории России есть юридические лица с иностранным участием, созданные по отечественному законодательству, которые аффилированы с Нерезидентом (далее — Интервенты).

При наличии этих фактических обстоятельств Резидент обращается к Интервентам с требованием в добровольном порядке погасить долг по обязательству, должником в котором является Нерезидент. Обоснование требования — образование Нерезидентом и Интервентами в связи с их аффилированностью единого хозяйствующего субъекта. В случае отказа Интервентов от исполнения обязательства за третье лицо — Нерезидента на основании ст. 1080 ГК РФ следует деликтный иск в российский арбитражный суд к Нерезиденту и Интервентам как лицам, совместно причинившим вред Резиденту, который удовлетворяется судом.

Анализ судебных актов по делам подобного рода приводит к неутешительному выводу о том, что сам по себе факт аффилированности юридических лиц, вхождение их в состав единого хозяйствующего субъекта является достаточным основанием для привлечения к деликтной ответственности одного аффилированного юридического лица по договорным обязательствам другого. Но насколько такой вывод и породившая его практика соответствуют закону?

Известно, что российский законодатель при регулировании общественных отношений с участием юридических лиц исходит из их независимости и самостоятельности. Это легальное свойство юридической личности проявляется в признании независимости организации как от ее учредителей (участников), так и от контрагентов, с которыми она вступает в правоотношения в рамках внешнего хозяйственного оборота. Следствием независимости является наделение юридического лица свойством правосубъектности, в силу которого оно имеет возможность быть субъектом различных правоотношений.

⁶ См., например: решение Арбитражного суда г. Москвы от 17.10.2023 по делу № А40-167352/23-3-1320 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2023 № 09АП-83334/2023 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.04.2024 № Ф05-4956/2024 ; решение Арбитражного суда г. Москвы от 13.02.2024 по делу № А40-194447/23-141-1534 ; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.06.2024 № 09АП-26319/2024, 09АП-26323/2024 ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.10.2024 № Ф05-4561/2024.

Самостоятельность юридического лица позволяет ему приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе. Юридические лица свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ). В свою очередь, гражданские права могут быть ограничены на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Самостоятельность юридического лица находит свое закрепление в его признаках. Согласно п. 1 ст. 48 ГК РФ юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Признак самостоятельной имущественной ответственности проявляется двояко. С одной стороны, учредители (участники) юридического лица не отвечают по его обязательствам, с другой — само юридическое лицо не несет ответственности по обязательствам своих учредителей (участников).

Как видно из приведенного определения, самостоятельная имущественная ответственность юридического лица отнесена законодателем к его ключевым характеристикам. Неслучайно ей посвящена отдельная статья ГК РФ. Согласно п. 2 ст. 56 ГК РФ учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных ГК РФ или другим законом.

Таким образом, исключения из общего правила о самостоятельной ответственности юридического лица возможны только на основании

ГК РФ и иных федеральных законов. Например, в случае несостоятельности (банкротства) дочернего общества по вине основного хозяйственного товарищества или общества последнее несет субсидиарную ответственность по его долгам (абз. 3 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ). Согласно абз. 1 п. 3 ст. 3 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁷, если несостоятельность (банкротство) общества вызвана действиями (бездействием) его акционеров или других лиц, которые имеют право давать обязательные для общества указания либо иным образом имеют возможность определять его действия, то на указанных акционеров или других лиц в случае недостаточности имущества общества может быть возложена субсидиарная ответственность по его обязательствам.

Самостоятельную ответственность юридического лица по своим собственным обязательствам, а не по обязательствам своих учредителей (участников), а также иных лиц, можно без преувеличения охарактеризовать в качестве основополагающего принципа российского корпоративного права⁸. Самостоятельная имущественная ответственность традиционно рассматривается в качестве неотъемлемого признака юридического лица и в учебной литературе⁹. Такой подход не является исключительной особенностью отечественной юридической мысли. Так, американские правоведы Х. Хансманн, Р. Краакман и Р. Сквайр в качестве основополагающего принципа корпоративного права называли защиту имущества юридического лица от притязаний со стороны кредиторов его учредителей (участников), а также бенефициаров. На имущество юридического лица могут претендовать только его собственные кредиторы¹⁰.

Таким образом, сами по себе никакие обязательства, в том числе связанные с наличием аффилированности, не могут служить основанием ответственности юридического лица по обязательствам его учредителей (участников) и иных лиц, если это прямо не предусмотрено законом. Игнорирование этого легаль-

⁷ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

⁸ Более подробно об этом см.: Ломакин Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 93–110; Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 197–198.

⁹ См., например: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1. С. 198.

¹⁰ *Hansmann H., Kraakman R., Squire R.* Law and the Rise of the Firm // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119. No. 5. P. 1338.

ного правила и возложение на юридическое лицо ответственности по обязательствам его учредителей (участников), а также иных лиц по мотивам целесообразности защиты прав и интересов их кредиторов без прямой ссылки на конкретную норму закона, которая предусматривает возможность такой ответственности, приведет к полному размыванию конструкции юридического лица как самостоятельного субъекта права. Кроме того, такой, не основанный на законе подход повлечет за собой грубое нарушение прав кредиторов самого юридического лица, поскольку в итоге именно за их счет кредиторы учредителей (участников) юридического лица получают удовлетворение своих требований.

Размывание конструкции юридического лица приведет к тому, что его нельзя будет рассматривать в качестве самостоятельного субъекта права, участвующего, наряду с гражданами и публично-правовыми образованиями, в гражданском обороте (абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ). Следствием этого должен стать отказ от самостоятельной правоспособности юридического лица, возникающей с момента его государственной регистрации (абз. 1 п. 3 ст. 49 ГК РФ). Вопрос о том, насколько развитый гражданский оборот сможет существовать без таких субъектов, как юридические лица, риторический. Игнорирование фундаментальных признаков, посредством которых законодатель дает определение юридического лица (п. 1 ст. 48 ГК РФ), в том числе и его самостоятельной ответственности, отбросит наш гражданский оборот даже не на века, а на тысячелетия назад — в эпоху господства простых товариществ, элементарная структура которых не порождала нового качества в виде правосубъектной личности, имущественно и организационно отделенной от товарищей — сторон гражданско-правового договора.

Такую опасность прекрасно осознают и законодатель, и Верховный Суд РФ. Даже тогда, когда закон допускает возможность игнорирования самостоятельной ответственности юридического лица, использовать ее следует только в единичных случаях, прямо предусмотренных законом. Так, привлечение контролирующих юридическое лицо — должника лиц (далее — КДЛ) к субсидиарной ответственности

является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов. При его применении судам необходимо учитывать как сущность конструкции юридического лица, предполагающей имущественную обособленность этого субъекта (п. 1 ст. 48 ГК РФ), его самостоятельную ответственность (ст. 56 ГК РФ), наличие у участников корпораций, учредителей унитарных организаций, иных лиц, входящих в состав органов юридического лица, широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений, так и запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица (ст. 10 ГК РФ)¹¹.

В силу того, что указанное выше исключение из правила о самостоятельной ответственности юридического лица прямо установлено законом (гл. III.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹²), кредиторы аффилированных лиц могут предполагать подобный риск и оценивать его. Кроме того, данное исключение применимо только к КДЛ, определение которого дано в ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и дополнено применительно к кредитным организациям статьей 189.23 названного Закона. Следовательно, оно не распространяется на аффилированных лиц должника-банкрота, не обладающих статусом КДЛ. Наконец, сам по себе статус КДЛ недостаточен для отступления от правила о самостоятельной ответственности юридического лица. В действиях КДЛ должны быть признаки состава гражданского правонарушения, предусмотренного статьями 61.11 или 61.12 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Действующее российское законодательство не содержит норм, в силу которых сама по себе аффилированность двух юридических лиц является основанием для привлечения к ответственности одного такого юридического лица по договорным или деликтным обязательствам другого юридического лица. В юридической литературе справедливо отмечается, что для применения мер гражданско-правовой ответственности необходимо наличие призна-

¹¹ П. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

¹² СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

ков состава гражданского правонарушения¹³. Такой подход был характерен и для советского гражданского права¹⁴.

Определение термина «аффилированные лица» дано в ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»¹⁵. Из этого определения следует, что аффилированность заключается в возможности влиять на деятельность субъектов предпринимательской деятельности. Данный термин лишь один из многих, используемых законодателем для обозначения отношений, в рамках которых одни субъекты влияют на действия и решения других субъектов. Иные однородные термины: основное общество (товарищество) и дочернее общество (ст. 67.3 ГК РФ), контролирующее юридическое лицо — должника лицо, так называемое КДЛ (п. 1 ст. 61.10 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»). Целый ряд подобных терминов закреплён в банковском законодательстве — это и банковская группа, и банковский холдинг (ст. 4 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности»¹⁶).

Однако, несмотря на терминологические различия, само по себе влияние одного лица на действия и решения другого, в том числе и в силу наличия отношений аффилированности, нигде не признаётся достаточным основанием для отступления от правила о самостоятельной ответственности юридического лица. Для ограничения права не отвечать по обязательствам иного лица, пусть и аффилированного, требуется прямое указание закона (абз. 2 п. 2 ст. 1 ГК РФ). Причём отсутствие в законе такого указания не может быть компенсировано (подменено) ни основаниями, в силу которых возникают отношения аффилированности, ни уровнем или степенью аффилированности.

Из статьи 10 ГК РФ следует, что участники гражданского оборота при осуществлении прав и исполнении обязанностей должны действовать добросовестно и разумно. Аффилированные лица не являются исключением. Следует подчеркнуть, что даже если, учитывая отноше-

ния зависимости в рамках аффилированных структур, расценивать аффилированность как факт, повышающий требования к добросовестному и разумному поведению, то эти повышенные требования будут иметь значение лишь при решении вопроса об ответственности аффилированных лиц, а меры ответственности, как отмечалось выше, применяются не по факту аффилированности, а при наличии признаков состава гражданского правонарушения в отношении лиц, прямо указанных в законе, например КДЛ.

Следовательно, сама по себе аффилированность юридических лиц не является основанием для привлечения к гражданско-правовой ответственности одного юридического лица по обязательствам аффилированного с ним другого юридического лица. При этом степень (уровень) аффилированности не имеет значения. Применение мер гражданско-правовой ответственности как следствие аффилированности должно быть прямо предусмотрено законом, что следует из ст. 53.2 ГК РФ.

В указанных выше судебных актах не только нивелируется принцип самостоятельности и независимости юридического лица, но и размываются постулаты обязательственного права. Получается, что обязательство, вытекающее из договора, создаёт обязанности для лиц, аффилированных со стороной такого договора, хотя они сами и не являются сторонами данного обязательства. Остается ли в этой схеме место принципу относительности обязательства? Очевидно, что нет.

Известно, что в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Таким образом, в обязательстве как в гражданском правоотношении круг субъектов четко определен: это обладатель прав — кредитор и носитель обязанностей — должник. Эти субъекты противопоставлены друг другу, поскольку праву одного корреспондирует обязанность другого, в чем и проявляется относительный характер обязательства.

¹³ См. подробнее об этом: Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019. С. 157–476.

¹⁴ Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 194–572.

¹⁵ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

¹⁶ Ведомости СНД РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

Субъектный состав обязательства не размыкается от того, что в обязательстве могут принимать участие несколько лиц, поскольку в любом случае они будут находиться на стороне должника или на стороне кредитора. Множественность лиц в обязательстве не трансформируется в множественность его сторон. Так, согласно п. 1 ст. 308 ГК РФ в обязательстве в качестве каждой из его сторон — кредитора или должника — могут участвовать одно или одновременно несколько лиц.

В силу относительного характера обязательства, как справедливо писал классик российской цивилистики М. М. Агарков, «обязательство может быть нарушено только должником (должниками), но не третьим лицом»¹⁷. На важность относительного характера обязательства как его атрибута обращал внимание и другой классик отечественного гражданского права — О. С. Иоффе¹⁸.

Принцип относительности обязательства лежит также в основе запрета возложения обязанностей на лицо, не являющееся стороной обязательства. Так, обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц) (п. 3 ст. 308 ГК РФ). В юридической литературе отмечается, что подобное возложение противоречило бы также основополагающему принципу гражданского права — принципу автономии воли участников гражданского оборота¹⁹.

В литературе, содержащей анализ судебной практики, можно встретить вывод о том, что суды в своих решениях не ограничиваются буквальным толкованием закона, содержащего запрет возложения обязанностей на третьих лиц — не сторон обязательства, а исключают возложение на них также и иных обременений²⁰.

Сущностью обязательства, по меткому замечанию патриарха немецкой юриспруденции

Ф. К. фон Савиньи, является «...господство над чужими действиями, чем обусловлено и благодаря чему возникает то, что мы, обобщая все в целом, называем оборотом»²¹. А предоставление такого господства в гражданском праве с учетом принципа автономии воли может быть только добровольным. Выражение согласия на добровольное подчинение воле кредитора осуществляется субъектом гражданского оборота посредством принятия на себя статуса должника в обязательстве. Третье лицо, не обладающее статусом должника, не должно подчиняться воле сторон обязательства, отсюда и норма-запрет, закрепленная в п. 3 ст. 308 ГК РФ.

Образно и точно описал взаимоотношения сторон обязательства и третьих лиц С. В. Сарбаш: «...можно представить себе две точки (кредитора и должника), связанные нитью обязательства; за пределами их связи можно рассмотреть еще одну или несколько точек, никак не связанных ни с кредитором, ни с должником, ни с самой нитью обязательства; это — третьи лица, в обязательстве не участвующие»²².

Соответственно, обязательство должника перед кредитором может быть нарушено только самим должником, а никак не аффилированным с ним третьим лицом, не являющимся стороной в таком обязательстве. Следовательно, при наличии необходимых и достаточных элементов состава гражданского правонарушения именно к должнику должны быть применены меры договорной ответственности за неисполнение обязательства.

На запрет возлагать на третье лицо меры ответственности перед кредитором за неисполнение или ненадлежащее исполнение должником обязательства, вытекающий из п. 3 ст. 308 ГК РФ, нередко обращается внимание в юридической литературе²³. Не в последнюю очередь такой подход обусловлен тем, что оте-

¹⁷ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М. : Статут, 2012. Т. 2 : Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. С. 37.

¹⁸ Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избранные труды : в 4 т. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004. Т. 3 : Обязательственное право. С. 53.

¹⁹ Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. С. 29.

²⁰ Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–454 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017. С. 55.

²¹ Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М. : Статут, 2011. Т. 1. С. 477.

²² Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2017. С. 28.

²³ См., например: Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов (и др.) ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2022. С. 1056.

чественное гражданское законодательство не разграничивает такие понятия, как долг и ответственность. Примером могут служить многочисленные нормы ГК РФ, в частности п. 1 ст. 322. В германской цивилистике, напротив, идея о проведении четкого различия между долгом в обязательстве (*Schuldt*) и ответственностью за неисполнение обязательства (*Haftung*) была очень популярна, но сейчас во многом утратила свою привлекательность²⁴.

Относительность обязательства лежит в основе разъяснения Верховного Суда РФ, согласно которому стороны обязательства не могут выдвигать в отношении третьих лиц возражения, основанные на обязательстве между собой²⁵. К числу данных возражений можно отнести также возражения должника в обязательстве против отказа третьего лица, не являющегося его стороной, от исполнения данного обязательства.

В абзаце 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ содержится не только характеристика относительности обязательства. Эта норма — проявление основополагающих принципов гражданского права, таких как равенство участников гражданских правоотношений, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, приобретение и осуществление гражданских прав волей их носителей и в их интересах (п. 1, 2 ст. 1 ГК РФ). Она является императивной, что подтверждается общим подходом к квалификации императивных норм, изложенным в п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»²⁶. Исключения из данного правила-запрета должны быть установлены только законом. Они не могут следовать из договоренностей сторон обязательства, а также обуславливаться природой обязательства и фактическими обстоятельствами, в том числе связанными с аффилированностью стороны обязательства и третьего лица.

Допущение нарушения абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ повлекло бы за собой очевидные негативные последствия. Утратило бы смысл выделение целой подотрасли гражданского права —

обязательственного права, с его относительным характером, заключающимся в наличии конкретной правовой связи между должником и кредитором, где у кредитора есть господство над действиями должника (п. 1 ст. 307 ГК РФ). Очень точно и ярко описал эту связь профессор С. В. Сарбаш: «Если попытаться нарисовать картину реализации обязательства, то мы могли бы увидеть, как нечто ценное перемещается вдоль нити, связующей кредитора и должника, от одного к другому, от должника к кредитору, а сама эта нить всё более и более по мере исполнения обязательства исчезает, освобождая должника от бремени долга и вознаграждая кредитора новой ценностью»²⁷. Произвольное, прямо не предусмотренное законом возложение обязательством обязанностей на субъекта, не являющегося его стороной, подменило бы эту нить клубком беспорядочных связей с множеством третьих лиц.

Кроме того, отход от императивной нормы абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ никак не соответствовал бы упомянутым выше основополагающим принципам гражданского права. Стороны обязательства, свободно возлагая обязанности на третье лицо, тем самым получили бы возможность произвольного вмешательства в его частные дела, что как минимум ставит под сомнение их равенство с третьим лицом. В свою очередь, третьи лица лишились бы возможности приобретать и осуществлять гражданские права своей волей и в своем интересе, поскольку их действия определялись бы волей и интересами сторон в обязательстве.

Законодатель не ставит применение абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ в зависимость от того, в каких отношениях состоят между собой должник и третье лицо. Действие указанной нормы не зависит от природы таких отношений. В частности, должник в обязательстве и третье лицо могут быть аффилированы между собой. Запрет возлагать в рамках обязательства обязанности на третье лицо, не участвующее в нем в качестве стороны, сохраняется и в этом случае.

Норма абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ расположена в подразд. 1 разд. III ч. I ГК РФ, посвященном

²⁴ См., например: Паккиони. Д. Понятие обязательства от Ф. К. Фон Савиньи до Германского гражданского уложения // Древнее право : научно-практический журнал. М. : И.Д. В. Ема, 2016. № 2 (34). С. 184–207.

²⁵ Абз. 1 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

²⁶ Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 5.

²⁷ Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие. С. 10.

общим положениям об обязательствах. В силу п. 1, 2 ст. 307.1 ГК РФ такие общие положения применяются как к договорным обязательствам, так и к обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда.

Таким образом, в силу императивной нормы абз. 1 п. 3 ст. 308 ГК РФ обязательство, вытекающее из договора или деликта, не может создавать обязанностей для лиц, которые не были сторонами этого обязательства — третьих лиц. При этом законодатель не предусматривает исключений из указанного правила, обусловленных наличием между третьим лицом и стороной обязательства отношений аффилированности.

В юридической литературе допускается гипотетическая возможность ответственности третьего лица перед кредитором в обязательстве, если неисполнение или ненадлежащее исполнение такого обязательства было обусловлено действиями самого третьего лица. Однако сторонники такой позиции последовательно отстаивают тезис о деликтном характере данной ответственности²⁸. Для кредитора и должника это третье лицо будет так называемым интервентом, вторгающимся в их взаимоотношения.

Указанный подход не лишен существенных недостатков. Получается, что интервент-деликвент, вторгаясь в относительную связь между должником и кредитором, нарушает относительные права кредитора, к числу которых как раз и можно отнести право кредитора требовать от должника исполнения договорного обязательства. По существу, такой подход размывает принцип относительности обязательства и привносит в правовое регулирование явную неопределенность.

Неслучайно еще М. М. Агарков предостерегал от абсолютной защиты обязательственных отношений, поскольку такая защита, по верному замечанию ученого, слишком расширила бы применение исков из причинения вреда²⁹. Многие классики отечественного гражданского права прямо отрицали возможность нарушения

относительного права, существующего в отношении конкретного лица — должника, безликим интервентом. Например, Е. В. Васьковский без сомнений утверждал: «Вещное право, будучи обязательным для всех, может быть и каждым нарушено. Напротив, обязательственное право допускает нарушение только со стороны обязанного лица»³⁰. Во многих монографиях констатируется, что в юридической литературе прочно сложилось воззрение на нарушение договорных обязательств как на противоправное действие только стороны обязательства³¹.

Нельзя не подчеркнуть, что даже сторонники позиции об особой роли интервента в обязательстве ссылаются на сложности, затрудняющие ее практическое применение. Так, О. В. Гутников, сторонник идеи о возможности нарушения интервентом относительного имущественного права, справедливо замечает, что действующее российское законодательство «непосредственно не предусматривает возможности применения деликтной ответственности за причинение вреда относительным имущественным правам»³². Далее автор утверждает, что само по себе такое признание потребует серьезной предварительной подготовки. Действительно, в российском праве деликтная ответственность построена на принципе генерального деликта, в силу которого любой вред, причиненный противоправными и виновными действиями деликвента, подлежит возмещению. Однако, как верно указывает О. В. Гутников, причинение вреда интервентом обязательственным правам в силу их относительной природы всегда носит косвенный характер. Отсюда автор *de lege ferenda* исходит из необходимости признания умышленной формы вины интервента-деликвента, причем презумпция вины в данном случае действовать не должна.

Указанный косвенный (опосредованный) характер причинения вреда может повлечь за собой вполне логичные выводы о роли самого интервента в нарушении обязательства.

²⁸ См., например: *Журдэн П.* Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 212–241 ; № 5. С. 233–255, ; № 6. С. 154–193 ; 2022. № 1. С. 200–229.

²⁹ *Агарков М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. С. 175.

³⁰ *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М. : Статут, 2003. С. 262.

³¹ См., например: *Комаров А. С.* Ответственность в коммерческом обороте. М. : Юридическая литература, 1991. С. 29.

³² *Гутников О. В.* Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

С. А. Сеницын пишет: «Договорное обязательство может быть нарушено только его стороной, на которой лежит конкретная гражданско-правовая обязанность, что обусловлено структурой обязательства и гражданско-правовым статусом его участников как кредитора и должника. Действия интервента создают лишь внешний фон и экономическую мотивацию, являясь стимулом для нарушения договорных обязательств их участниками»³³.

Анализ международных актов в сфере частного права позволяет сделать вывод о том, что там, где признается возможность применения к интервенту мер деликтной ответственности за нарушение прав кредитора в обязательстве, такая возможность рассматривается скорее в качестве прямо предусмотренного исключения и сопровождается многочисленными оговорками. Наглядным примером служит статья VI.-2:211 так называемых Модельных правил европейского частного права (DCFR)³⁴, предусматривающая ответственность интервента за вред, причиненный побуждением к неисполнению обязательства. Интервент может быть привлечен к деликтной ответственности лишь при наличии трех условий: а) вред причиняется кредитору в обязательстве; б) виновные действия интервента характеризуются прямым умыслом; в) интервент при этом не действовал с целью законной защиты своего интереса.

Из изложенного выше следует, что обязательство, вытекающее из договора, не создает и не может создавать обязанности для лиц, аффилированных со стороной договора, которые не были сторонами этого обязательства. Данный вывод является производным от относительного характера обязательственного отношения, где одному четко определенному субъекту — кредитору противостоит другой четко определенный субъект — должник. Запрет возлагать обязанности на третьих лиц, в том числе аффилированных, не являющихся стороной обязательства, закреплен императивной нормой п. 3 ст. 308 ГК РФ.

По смыслу ст. 53.2 ГК РФ правовые последствия аффилированности юридических лиц, в силу которых одно из них отвечает по обязательствам другого, должны быть прямо установлены законом. В отсутствие такого закона указанная ответственность невозможна. Иначе будет иметь место нарушение принципов равенства субъектов гражданских правоотношений, автономии их воли, а также самостоятельной ответственности юридического лица. Если и допустить гипотетическую возможность ответственности третьего лица — интервента перед кредитором в обязательстве, то для этого противоправные действия интервента должны совершаться с прямым умыслом причинить вред кредитору.

Для применения мер гражданско-правовой ответственности, как уже отмечалось, требуется наличие элементов гражданского правонарушения, одного факта аффилированности и вхождения в единую корпоративную структуру здесь недостаточно. Конкретные составы гражданских правонарушений, когда один субъект, входящий в единую корпоративную структуру, отвечает по обязательствам другого участника такой структуры, должны быть прямо предусмотрены законом. Например, согласно абз. 2 п. 2 ст. 67.3 ГК РФ основное хозяйственное товарищество или общество отвечает солидарно с дочерним обществом по сделкам, заключенным последним во исполнение указаний или с согласия основного хозяйственного товарищества или общества. Примеры субсидиарной ответственности в рамках банкротных процедур приводились выше.

Применительно к деликтной ответственности, к которой привлекались ответчики по рассматриваемым делам, следует иметь в виду, что «обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противо-

³³ Сеницын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 7–44.

³⁴ Модельные правила европейского частного права : пер. с англ. / науч. ред.: Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013. С. 555.

³⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Музыки» // СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3225.

правным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину»³⁵.

Деликтная ответственность связана с личностью делинквента. Как разъяснил Верховный Суд РФ, юридические лица не отвечают за вред, причиненный их участниками (членами), за исключением вреда, причиненного полными товарищами и (или) членами производственного кооператива³⁶. Очевидно, что если юридическое лицо не несет ответственности по деликтным обязательствам своих участников (членов), осуществляющих над ним прямой корпоративный контроль, то тем более оно не может отвечать за вред, причиненный лицами, входящими, наряду с ним, в единую корпоративную структуру, в рамках которой контроль, как правило, носит косвенный характер.

Договорную ответственность несет сторона гражданско-правового договора. Для применения мер договорной ответственности также необходимо наличие элементов состава гражданского правонарушения — противоправности, неблагоприятных имущественных последствий в виде убытков, причинно-следственной связи между ними, а также вины правонарушителя. Количество указанных элементов может изменяться. Как известно, субъекты предпринимательской деятельности по своим договорным обязательствам отвечают без вины (п. 3 ст. 401 ГК РФ), а ответственность в виде договорной неустойки не обусловлена наличием у потерпевшей стороны в договоре убытков (п. 1 ст. 330 ГК РФ).

Применение норм о договорной или деликтной ответственности к нарушителю также не является произвольным. За нарушение договорного обязательства к нарушителю такого обязательства должны применяться нормы о договорной ответственности, а не положения об ответственности за совершение деликта (гл. 59 ГК РФ). Разграничение договорных и деликтных обязательств явно следует из п. 1, 2 ст. 307.1 ГК РФ. Договорная ответственность наступает для сторон договора, не исполнивших или исполнивших ненадлежащим образом договорные обязательства, а не для третьих лиц, не являющихся стороной такого договора. Основание договорной ответственности — на-

рушение договорного обязательства, являющегося относительным правоотношением. Для деликтной ответственности характерно нарушение абсолютных прав или имеющих абсолютный характер нематериальных благ. Вопрос о возможности нарушения деликтом относительных прав, как было показано выше, обсуждается в юридической литературе, но даже ее признание коснется лишь противоправных действий делинквента, совершаемых с прямым умыслом. Применение норм о деликтах при нарушении договорных обязательств по общему правилу невозможно, кроме отдельных случаев, прямо предусмотренных законом. Примером может служить статья 1084 ГК РФ.

Наконец, понуждение аффилированного лица к исполнению договорного обязательства за должника только лишь в силу факта установления между ними отношений аффилированности противоречило бы абзацу 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ, в силу которого юридическое лицо действует в гражданском обороте своей волей и в своем интересе (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ).

Законодатель наделяет юридическое лицо его собственным интересом, который не сводится к интересам его учредителей (участников), а также иных лиц, в том числе находящихся с юридическим лицом в отношениях аффилированности. В литературе интерес рассматривается в качестве материальной предпосылки возникновения и осуществления субъективного гражданского права³⁷. В основе самостоятельных интересов юридического лица лежит ключевое предназначение института юридического лица. Как писал известный отечественный цивилист профессор Б. Б. Черепахин, «основной задачей института юридического лица является создание субъекта прав и обязанностей, существующего и действующего независимо от смены (частичной или даже полной) его людского субстрата. В этом важное свойство юридического лица. Чем дальше продвинулся процесс обособления юридического лица и его имущества от входящих в него людей с их личным имуществом, тем совершеннее юридическое лицо, тем устойчивее его служение поставленным перед ним целям»³⁸.

³⁶ Абз. 3 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

³⁷ См., например: *Грибанов В. П.* Интерес в гражданском праве // *Осуществление и защита гражданских прав*. М.: Статут, 2000. С. 241–244.

О собственном интересе юридического лица говорится, в частности, в п. 3 ст. 53, п. 1, 3 ст. 53.1, п. 1 ст. 55, п. 4 ст. 62, п. 4, 5 ст. 67.1 ГК РФ, п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 44 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³⁹, п. 2 ст. 69, п. 1 ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» и т.д.

Юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом (п. 1 ст. 53 ГК РФ). Таким образом, вопрос о добровольном исполнении обязательства юридическим лицом за аффилированного с ним должника в этом обязательстве должны решать органы такого юридического лица в соответствии со своей компетенцией.

Согласно п. 3 ст. 53 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Такую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.).

В свою очередь, статья 53.1 ГК РФ предусматривает ответственность членов органов управления юридического лица за нарушение указанной выше обязанности. Убытки, причиненные юридическому лицу таким нарушением, должны быть возмещены в полном объеме. Сходные положения об ответственности лиц, входящих в органы управления акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью, предусмотрены соответственно в ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах» и ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Таким образом, основная обязанность членов органов управления юридического лица, даже находящегося в отношениях аффилированности, — действовать разумно и добросовестно в интересах самого юридического лица.

Правомерность добровольного исполнения аффилированным юридическим лицом обяза-

тельства за должника, который его не исполняет, определяется тем, насколько такое исполнение соответствует интересам указанного юридического лица. Произвольное исполнение, никак не связанное с собственными интересами юридического лица как самостоятельного субъекта права, действующего своей волей и в своем интересе (абз. 1 п. 2 ст. 1 ГК РФ), однозначно следовало бы квалифицировать как не основанный ни на законе, ни на договоре вывод активов аффилированного юридического лица в пользу кредитора должника в обязательстве без всякого встречного предоставления. В результате такого действия у аффилированного юридического лица возникли бы убытки, за причинение которых лица, принявшие безосновательное решение о добровольном исполнении аффилированным юридическим лицом указанного выше обязательства, несли бы прямую ответственность. Таким образом, у органов управления юридического лица, не являющегося стороной в обязательстве, нет обязанности предпринимать действия по погашению задолженности должника в обязательстве, если это не соответствует интересам самого юридического лица.

Показательным в этом смысле является дело, приведенное в п. 28 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г. (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023): «Гражданское законодательство о юридических лицах построено на основе принципов отделения их активов от активов участников, имущественной обособленности, ограниченной ответственности и самостоятельной правосубъектности... В то же время из существа конструкции юридического лица (корпорации) вытекает запрет на использование правовой формы юридического лица для причинения вреда независимым участникам оборота... Участник корпорации или иное контролирующее лицо могут быть привлечены к ответственности по обязательствам юридического лица, которое в действительности оказалось не более чем их “продолжением”. К недобросовестному поведению контролирующего лица с учетом всех обстоятельств дела может быть отнесено также избрание участ-

³⁸ Черепяхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001. С. 300.

³⁹ СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁴⁰ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 6.

⁴¹ СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

ником таких моделей ведения хозяйственной деятельности в рамках группы лиц и (или) способов распоряжения имуществом юридического лица, которые приводят к уменьшению его активов и не учитывают собственные интересы юридического лица, связанные с сохранением способности исправно исполнять обязательства перед независимыми участниками оборота...»⁴⁰.

Об интересах, которые прежде всего должны учитывать органы юридического лица, четко говорит и Конституционный Суд РФ. Так, в абз. 5 п. 2.2 постановления Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля» подчеркивается, что «...из числа лиц, чьи интересы должны быть учтены и защищены, нет оснований исключать и кредиторов юридического лица»⁴¹.

Из вышеизложенного следует, что третье лицо не должно осуществлять исполнение обязательства за аффилированного с ним должника в этом обязательстве в пользу кредитора последнего, поскольку оно будет действовать не в своих интересах. Более того, если по каким-либо причинам решение об исполнении обязательства за должника будет принято аффилированным с ним третьим лицом, то данное обязательство будет исполнено в интересах именно должника. В таких обстоятельствах, с учетом суммы исполнения обязательства, в действиях должностных лиц третьего лица, принявших решение об исполнении, могут присутствовать и признаки состава преступления, предусмотренного статьей 201 Уголовного кодекса РФ, или по меньшей мере признаки гражданско-правового нарушения их обязанностей по соблюдению интересов юридического лица.

Следует учитывать также характер деятельности третьего лица, особенно когда оно осуществляет банковскую деятельность и является участником системы страхования вкладов. Здесь, согласно п. 1 ст. 1 Федерального закона от 23.12.2003 № 177 «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»⁴², целью третьего лица являются защита прав и законных интересов вкладчиков банков Российской

Федерации, укрепление доверия к банковской системе Российской Федерации и стимулирование привлечения денежных средств в банковскую систему Российской Федерации. Таким образом, действия банков — участников системы страхования вкладов рассматриваются не только через призму частного права как регулятора гражданского оборота, но и на предмет соответствия публично-правовым началам, обеспечивающим стабильность основ экономики страны и ее «кровеносной системы» — банковских структур.

К участникам системы страхования вкладов предъявляются особые требования. Например, они обязаны вести ежедневный учет обязательств банка перед вкладчиками и встречных требований банка к вкладчику, обеспечивающий готовность банка сформировать при наступлении страхового случая, а также на любой день по требованию Банка России реестр обязательств банка перед вкладчиками в порядке и по форме, которые устанавливаются Банком России (пп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»).

В отношении таких юридических лиц Банк России обладает значительными полномочиями как орган банковского регулирования и банковского надзора. Главными целями банковского регулирования и банковского надзора являются поддержание стабильности банковской системы Российской Федерации и защита интересов вкладчиков и кредиторов (ст. 56 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁴³).

Таким образом, добровольное исполнение третьим лицом — банком обязательства за должника в этом обязательстве только лишь на основании вхождения должника и третьего лица в единую корпоративную структуру не только не имеет под собой частноправовых оснований, но и грубо нарушает публично-правовые нормы, служащие гарантией для вкладчиков и иных кредиторов коммерческих банков. В действиях же должностных лиц третьего лица — банка, если бы они приняли соответствующее решение, не только усматривались бы черты гражданско-правового деликта, но могли содержаться и признаки состава преступления. Соответственно, противоправные дейст-

⁴² СЗ РФ. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

⁴³ СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790.

вия такого рода, совершенные должностными лицами третьего лица — банка, помимо его собственных интересов, нарушают публичные интересы и интересы неопределенного круга лиц. Безосновательное установление приоритета интересов кредиторов одних участников единой корпоративной структуры над интересами кредиторов иных участников этой же структуры, тем более обладающих статусом банка, нарушает основополагающий принцип гражданского права — принцип равенства субъектов гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ). Кроме того, удовлетворение интересов кредитора в обязательстве за счет третьего лица — банка, пусть и находящегося с должником по такому обязательству в отношениях аффилированности, предоставит неоправданные и безосновательные преимущества кредиторам должника по сравнению с кредиторами аффилированного с ним третьего лица, за счет которого произойдет исполнение обязательства. Активы юридического лица призваны служить гарантией удовлетворения требований именно его кредиторов, а не кредиторов сторонних организаций, пусть и находящихся с юридическим лицом в отношениях аффилированности.

Именно вкладчики и иные кредиторы третьего лица — банка имеют право рассчитывать на его имущество в рамках правоотношений, где такое лицо выступает по отношению к ним в качестве должника. Кредиторов иных участников единой корпоративной структуры, в которую входит данное третье лицо, закон таким правом не наделяет. Иное означало бы произвольное переложение предпринимательского риска кредиторов «избранных» участников единой корпоративной структуры на кредиторов третьего лица — банка, такого же участника этой структуры, среди которых могут быть и вкладчики, слабые участники оборота, за счет интересов которых не могут удовлетворяться интересы профессиональных участников хозяйственного оборота — коммерсантов.

Утверждение о том, что третье лицо — банк может добровольно и беспрепятственно погашать в отсутствие юридического основания долг за должника в обязательстве, пусть и входящего с ним в единую корпоративную структуру, поскольку предназначение участников указанной структуры якобы заключается в представлении интересов всей корпоративной структуры, противоречит принципам устройства и функционирования банковской системы Российской Федерации. В основе банковской

деятельности лежит исключительное право банка осуществлять в совокупности следующие банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц; размещение указанных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»). В связи с этим очевидно, что «размещение» банковских активов посредством погашения долгов иных юридических лиц, хотя бы и образующих с банком единую корпоративную структуру, никак не соответствует природе банковской деятельности.

Кроме того, вхождение третьего лица — банка в единую корпоративную структуру само по себе не лишает его самостоятельности ни де-юре, ни де-факто, не свидетельствует о том, что он, наряду с иными участниками единой корпоративной структуры, действует не в собственных интересах, а функционирует для достижения цели, единой для всей корпоративной структуры.

Соответственно, отказ третьего лица — банка исполнять обязательство за входящего с ним в единую корпоративную структуру должника правомерен, поскольку полностью основан на нормах российского законодательства, как частного, так и публичного. Ответственность за такое правомерное поведение законом не предусмотрена (п. 3 ст. 1064 ГК РФ). Следовательно, в данном случае в действиях третьего лица отсутствует состав деликтного правонарушения и оно не может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности за причинение вреда кредитору в обязательстве, должником в котором выступает аффилированная с третьим лицом организация.

Заключение

Завершить оценку судебной практики по делам подобного рода можно кратким выводом о том, что ее, увы, сложно признать основанной на законе и способствующей стабильности и предсказуемости современного гражданского оборота.

Во-первых, судебная практика грубо нарушает принцип независимости и самостоятельности юридического лица.

Во-вторых, не соответствует постулату относительности обязательственного правоотноше-

ния, в силу которого обязательство не может создавать обязанности для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон.

В-третьих, в силу данной практики необходимым и достаточным условием применения мер гражданско-правовой ответственности к участникам единой корпоративной структуры признается факт вхождения в эту структуру (от-

ношения аффилированности), а не элементы состава гражданского правонарушения.

Наконец, в-четвертых, ее следствием является искажение легального стандарта поведения субъектов, входящих в состав органов управления юридического лица, в силу которого они должны действовать добросовестно и разумно в интересах самого юридического лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2 : Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. М. : Статут, 2012.

Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М. : Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940.

Аристова Е. А. Ответственность трансграничных корпоративных групп: теория и практика. М. : Инфотропик Медиа, 2014.

Васьковский Е. В. Учебник гражданского права. М. : Статут, 2003.

Габов А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.

Габов А. В. Официальные разъяснения по вопросам применения антисанкционных нормативных правовых актов: теоретические и практические вопросы // Труды Института государства и права РАН. 2024. Т. 19. № 1. С. 36–80.

Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2023.

Грибанов В. П. Интерес в гражданском праве // Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.

Гутников О. В. Деликтная ответственность за нарушение относительных прав: перспективы развития в российском праве // Закон. 2017. № 1. С. 22–37.

Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве : монография. М. : ИЗиСП при Правительстве РФ, 2019.

Договорное и обязательственное право (общая часть) : постатейный комментарий к статьям 307–454 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2017.

Журдэн П. Принципы гражданско-правовой ответственности // Вестник гражданского права. 2021. № 4. С. 212–241 ; № 5. С. 233–255 ; № 6. С. 154–193 ; 2022. № 1. С. 200–229.

Захаров А. Н. Некоторые вопросы снятия корпоративной вуали: американский опыт и возможности его использования в российском праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 10. С. 32–62.

Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избранные труды : в 4 т. Т. 3 : Обязательственное право. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2004.

Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды : в 4 т. Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003.

Комаров А. С. Ответственность в коммерческом обороте. М. : Юридическая литература, 1991.

Лихтер П. Л. Проникающая (объединяющая) ответственность в свете коллизий принципов гражданского права // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 8–10.

Ломакин Д. В. Концепция снятия корпоративного покрова: реализация ее основных положений в действующем законодательстве и проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2012. № 9. С. 6–33.

Ломакин Д. В. Принцип самостоятельной ответственности юридического лица: правило и исключения // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 93–110.

Ломакин Д. В. Развитие корпоративного законодательства в современных политико-экономических условиях на примере хозяйственных обществ // Законодательство. 2023. № 3. С. 18–25.

Модельные правила европейского частного права : пер. с англ. / науч. ред.: Н. Ю. Рассказова. М. : Статут, 2013.

Паккиони Д. Понятие обязательства от Ф. К. фон Савиньи до Германского гражданского уложения // Древнее право : научно-практический журнал. 2016. № 2 (34). С. 184–207.

Паращук С. А. Правовая регламентация группы лиц как единого хозяйствующего субъекта по законодательству России // Предпринимательское право. 2024. № 2. С. 61–69.

Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов (и др.) ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : Статут, 2022.

Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кута-таладзе, В. Зубаря. Т. 1. М. : Статут, 2011.

Сарбаш С. В. Элементарная догматика обязательств : учеб. пособие / Исслед. центр частн. права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. 2-е изд., стер. М. : Статут, 2017.

Синицын С. А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1. С. 7–44.

Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М. : Статут, 2014.

Черепакхин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М. : Статут, 2001.

Bacon K. M. The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing // Louisiana Law Review. 2002. Vol. 63. No. 1. P. 75–112.

Bainbridge S. M. Corporate Law. 2nd ed. New York : Foundation Press / Thomson West, 2009.

Hamilton R. W. The Law of Corporations in a Nutshell. 5th ed. St. Paul, Minn. : West Group., 2000.

Hansmann H., Kraakman R., Squire R. Law and the Rise of the Firm // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119. No. 5.

Powell F. J. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago : Callaghan, 1931.

REFERENCES

Agarkov MM. Obligation under Soviet civil law. In: Selected works on civil law: in 2 vols. Vol. 2: General doctrine of obligations and its individual types. Moscow: Statute Publ.; 2012. (In Russ.).

Agarkov MM. Obligation under Soviet civil law. Moscow: Legal publishing house of the NKYu of the USSR; 1940. (In Russ.).

Aristova EA. Responsibility of cross-border corporate groups: theory and practice. Moscow: Infotropic Media Publ.; 2014. (In Russ.).

Arhipova AG, Baybak VV, Gromov SA, et al. Karapetov AG (ed.). Change of persons in the obligation and responsibility for violation of the obligation: commentary to articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statute; 2022. (In Russ.).

Bacon KM. The Single Business Enterprise Theory of Louisiana's First Circuit: An Erroneous Application of Traditional Veil Piercing. *Louisiana Law Review*. 2002;63(1):75-112.

Bainbridge SM. Corporate Law. 2nd ed. New York: Foundation Press; Thomson West; 2009.

Cherepakhin BB. Will formation and expression of the will of a legal entity. In: Works on Civil Law. Moscow: Statute, 2001. (In Russ.).

Gabov AV. Anti-sanction measures in Russian law. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2023;18:96-141. (In Russ.).

Gabov AV. Official explanations on the application of anti-sanction regulatory legal acts: theoretical and practical issues. *Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. 2024;19(1):36-80. (In Russ.).

Gribanov VP. Interest in civil law. Exercise and protection of civil rights. M.: Statute; 2000. (In Russ.).

Gutnikov OV. Corporate liability in civil law. Moscow: IZiSP under the Government of the Russian Federation; 2019. (In Russ.).

Gutnikov OV. Tort liability for violation of relative rights: development prospects in Russian law. *Zakon*. 2017;1:22-37. (In Russ.).

Hamilton RW. The Law of Corporations in a Nutshell. 5th ed. St. Paul, Minn.: West Group.; 2000.

Hansmann H, Kraakman R, Squire R. Law and the Rise of the Firm. *Harvard Law Review*. 2006;119(5).

Ioffe OS. General doctrine of obligations. Selected works: in 4 vols. Vol. 3: Law of Obligations. St. Petersburg: Legal Center-Press Publ.; 2004. (In Russ.).

Ioffe OS. Responsibility under Soviet civil law. Selected works: in 4 vols. Vol. 1: Legal relations under Soviet civil law. Soviet civil law liability. St. Petersburg: Legal Center-Press Publ.; 2003. (In Russ.).

Jourdan P. Principles of Civil Liability. *Civil Law Herald*. 2021;4:212-241; 5:233-255; 6:154-193; 2022:1:200-229. (In Russ.).

Karapetov AG. Contractual Law and Law of Obligations (general part): article-by-article commentary to articles 307–454 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Komarov AS. Responsibility in commercial turnover. Moscow: Juridicheskaya literature Publ.; 1991. (In Russ.).

Lichter PL. Penetrating (unifying) responsibility in the light of conflicts of principles of civil law. *Russian Justice*. 2019;6:8-10. (In Russ.).

Lomakin DV. Development of Corporate Legislation in Current Political and Economic Conditions and Its Impact on Companies. *Zakonodatelstvo*. 2023;3:18-25. (In Russ.).

Lomakin DV. The concept of corporate cover removal: implementation of its main provisions in the current legislation and the draft amendments to the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. 2012;9:6-33. (In Russ.).

Lomakin DV. The principle of independent responsibility of a legal entity: rule and exceptions. *Herald of Civil Law*. 2020;1:93-110. (In Russ.).

Pacchioni D. The concept of obligation from F.K. von Savigny to the German Civil Code. *Ancient Law: Scientific and Practical Journal*. 2016;2(34):184-207. (In Russ.).

Parashchuk S A. The Legal Regulation of a Group of Persons as a Single Economic Entity under Russian Laws. *Entrepreneurial Law*. 2024;2:61-69. (In Russ.).

Powell FJ. Parent and Subsidiary Corporations. Chicago: Callaghan; 1931.

Rasskazov NYu (academic editor). Model Rules of European Private Law. Moscow: Statut Publ.; 2013. (In Russ.).

Sarbash SV. Elementary dogma of obligations. Sergey Alekseev Research Center for Private Law, Russian School of Private Law. 2nd ed. Moscow: Statut Publ.; 2017. (In Russ.).

Savigny FK. von. Kutateladze O, Zubarya V (eds). System of modern Roman law. Vol. 1. Trans. from German by Zhigulin G. Moscow: Statut Publ.; 2011. (In Russ.).

Sinitsyn SA. Absolute protection of relative rights: reasons, consequences and relationship with the accepted classification of subjective rights. *Herald of Civil Law*. 2015;1:7-44. (In Russ.).

Sukhanov EA (ed.). Civil Law Textbook. In 4 vols. 3rd ed. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).

Sukhanov EA. Comparative corporate law. Moscow: Statut Publ.; 2014. (In Russ.).

Vaskovsky EV. Civil Law Textbook. Moscow: Statute Publ., 2003. (In Russ.).

Zakharov AN. Some issues of removing the corporate veil: American experience and the possibilities of using it in Russian law. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2014;10:32-62. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломакин Дмитрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова (МГУ имени М.В.Ломоносова)
д. 1, стр. 13, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация
lawyer@lomakindv.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitriy V. Lomakin, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Civil Law, Law Faculty, Lomonosov Moscow State University (MSU), Moscow, Russian Federation
lawyer@lomakindv.ru

Материал поступил в редакцию 1 октября 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 декабря 2024 г.

Принята к печати 15 декабря 2024 г.

Received 01.10.2024.

Revised 14.12.2024.

Accepted 15.12.2024.